

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2018

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

А.Ю. Петров — Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Н. Нестеренко — Князь Вячко 30

СООБЩЕНИЯ

Д.В. Ковалёв — Правовые компромиссы в земельной политике П.А. Столыпина 43

А.Я. Кодинцев — Тобольские нотариусы в конце XIX — начале XX в. 50

Н.В. Мальцева, А.А. Чернышёв — Формирование российской энциклопедистики в XVIII — начале XIX в. 61

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Л.В. Исакова — Иоганн Филипп Густав Эверс 69

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Балканские корни первой мировой войны: правда и вымысел 83

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ББК 63.3(2)/УДК 93/94

КНЯЗЬ ВЯЧКО

А.Н. Нестеренко

Аннотация. Удельного кукенойского князя Вячко его современник, автор Ливонской хроники Генрих, описывает как разбойника, клятвопреступника и убийцу. Отечественная историография представляет Вячко как героического воина, символизирующего совместную борьбу русского и прибалтийских народов с «католической агрессией».

Ключевые слова: князь Вячко, Ливония, епископ Альберт, Орден Меченосцев, Ливонская хроника Генриха, полоцкое княжество, эсты, Дерпт, Новгородская феодальная республика.

Abstract. Prince Vyachko, his contemporary, the author of the Livonian Chronicle Heinrich, describes as a robber, perjurer and murderer. Domestic historiography represents Vyachko as a heroic warrior, symbolizing the joint struggle of the Russian and Baltic peoples with «Catholic aggression».

Key words: Prince Vyachko, Livonia, Bishop Albert, Order of the Swordsmen, The Livonian Chronicle of Henry, Polotsk principality, Estes, Dorpat, Novgorod feudal republic.

Об удельном князе Вячко в русских летописях содержится только одно упоминание — краткое сообщение Новгородской первой летописи о том, что в 1224 г. он был убит немцами в Юрьеве ¹. Поэтому все, что нам известно об этом князе, основано на сообщениях Хроники Ливонии Генриха Латыша (ЛХГ) ². Без этого источника невозможно было бы установить, кем был Вячко, как он оказался в Юрьеве и как погиб.

В отечественной историографии, начиная с В.Н. Татищева, назвавшего Вячко мужественным и мудрым воином, этого князя принято представлять героем и символом совместной борьбы русских и эстов против «крестоносной агрессии» ³. В этом качестве он был за-

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor at the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. E-mail: rockwool@list.ru.

печатлен в бронзовом памятнике «Князь Вячко и старейшина Меэлис, отдавшие свои жизни при обороне Тарту в 1224 году», скульптора Олаве Мянни, установленном в Тарту в 1980 г. в честь 950-летия со дня основания города Ярославом Мудрым.

Автор Хроники Ливонии Генрих, наоборот, представляет Вячко разбойником и убийцей и, считая его одним из самых опасных преступников, называет «корнем всякого зла в Ливонии»⁴.

Из описания событий, связанных с именем Вячко в ЛХГ, можно составить образ типичного удельного князька времен расцвета на Руси периода феодальной раздробленности. Главным занятием, служившим основным источником доходов князя и его дружины, были военные набеги с целью грабежа. В этом смысле деятельность Вячко может служить еще одной иллюстрацией концепции Мансура Олсона, рассматривавшего его как «оседлого (stationary) бандита»⁵. Вячко обложил данью местных жителей в обмен на их защиту от других «бандитов», выступив в качестве «покровителя тех, кого он грабит»⁶.

О происхождении князя доподлинно неизвестно. Гипотетическая дата его рождения заключается между 1175 и 1180 годом⁷.

По версии Татищева, основанной на пересказанной им легендарной «повести о Святохне», Вячко был сыном полоцкого князя Бориса Давыдовича⁸. Легенда о Святохне — классический литературный сюжет о злой мачехе, которая помышляет своим простодушным и инфантильным мужем, стремясь получить преференции для родного дитя за счет приемных.

Согласно этой легенде, от первого брака у Бориса было двое сыновей: Василько и Вячко. Овдовев, он женился во второй раз на Святохне, дочери поморского князя Казимира, которая родила ему сына Владимира (Войцеха). Святохна хотела, чтобы княжеский престол в Полоцке наследовали не пасынки, а ее родной сын. Но это было невозможно при жизни старших сыновей полоцкого князя. Поэтому княгиня задумала их погубить и для начала уговорила мужа удалить княжичей в уделы на реке Двине. Затем Святохна укрепила свою власть в Полоцке, назначив на должности тысячного и посадников своих земляков. Полочане, недовольные засильем поморян, стали требовать от князя изгнания чужеземцев и возвращение в Полоцк

его старших сыновей. Борис уже готов был послать за сыновьями, но коварная княгиня, боясь лишиться власти, попыталась уничтожить пасынков и их сторонников руками самого полоцкого князя. Она сфабриковала письмо от лица полоцких бояр к сыновьям Бориса, в котором они призывали старшего из них Василия прийти в Полоцк, занять престол, а мачеху с сыном и поморянами убить.

Оклеветанные Святохой бояре, призванные на княжеский двор для объяснений, были убиты поморянами по ее приказу, несмотря на попытку Бориса остановить кровопролитие.

На следующее утро было собрано вече, на котором народу объявили, что бояре были казнены за то, что ночью пытались убить князя, придя с оружием в его дом. Возбужденные этим известием полочане разгромили дома погибших бояр, а их жен и детей убили или изгнали.

Княжич Василий, узнав о гибели полоцких бояр, которые были его сторонниками, хотел немедленно ехать в Полоцк. Но его отговорил один из его приближенных, рассказав о грозившей Василию опасности. В Полоцк послали письмо с призывом к народу постоять против иноземцев «за веру и землю Русскую». На тайной встрече сторонники Василия и Вячко договорились «князьям своим помогать, а поморян изгнать или погубить» и стали склонять к этому горожан. Им удалось собрать вече, на котором зачитали письмо от княжича. Рассвирепевший народ схватил княгиню и заключил ее под стражу. Ее сторонники были убиты или изгнаны из Полоцка.

Хотя версия, относящая Вячко к полоцкой или смоленской ветви Рюриковичей, наиболее распространена в отечественной историографии, она противоречит фактам⁹. Во-первых, согласно Татищеву, события, описываемые в «повести о Святохне», происходили в 1217 г., в то время как Вячко, согласно ЛХГ, покинул свой удел Кукенойс, расположенный на Двине, в 1208 г. и больше туда не возвращался. Во-вторых, ЛХГ указывает, что во времена княжения Вячко в Кукенойсе полоцким князем был не Борис, а Владимир (Woldemaro de Ploseke), который занимал княжеский престол как минимум с 1184 по 1216 год.

Мачей Стрыйковский утверждал, что в 1573 г. он видел камень под Полоцком на Двине с надписью «Помоги Господи рабу своему, Борису сыну Гинвилу!»¹⁰ На этом основании можно предположить, что после смерти Владимира в 1216 г. полоцкий престол занял Борис — сын литовского князя Гинвила. Вячко приходился ему не сыном, а зятем или шурином¹¹.

Первое упоминание «короля» Вячко (Vetseke) в ЛХГ относится к 1205 году¹². Из этого сообщения следует, что он княжил в Кукенойсе (соврем. Кокнесе в Латвии), расположенном на берегу Даугавы, на границе полоцкого княжества с землями ливов и леттов. Узнав о том, что рядом с границами его владений поселился большой отряд латинских пилигримов, Вячко послал к ним гонца с предложением о переговорах.

Миротворческая инициатива Вячко скорее всего была вызвана тем, что он вместе со своим сюзереном, полоцким князем Владимиром, участвовал в первом нападении на ливонские земли в 1203 г., и формально стороны продолжали находиться в состоянии войны. Та-

кой вывод следует из того, что ЛХГ не упоминает о том, что после того как полоцкие дружины покинули ливонские владения, на которые внезапно напали, стороны начали мирные переговоры¹³. Вячко, очевидно, решил, что появление пилигримов всего в трех милях от границ его владений означает начало военных приготовлений для нанесения ответного удара, и поспешил заявить о готовности заключить мир.

На последующей встрече Вячко с главой ливонской церкви епископом Альбертом стороны заключили «прочный мир», после чего Вячко «радостно возвратился к себе». При этом хронист не преминул заметить, что мир оказался совсем не прочным и продолжался недолго¹⁴. Действительно, уже через год полоцкий князь в очередной раз напал на ливонские владения. Вячко тоже должен был принять участие в этом походе: во-первых, как вассал полоцкого князя, во-вторых, в силу того, что его владения находились на границе с Ливонией и, следовательно, дружины из Полоцка должны были пройти через них.

Все происходившее в дальнейшем было обусловлено контекстом отношений Полоцка и Риги. Полоцкий князь Владимир разрешил в 1184 г. первому епископу ливонскому Мейнарду крещение ливов и леттов, исходя из соображений выгоды: ливонская церковь взяла на себя обязательства по сбору налогов с обращенных в христианство язычников. Полоцкое княжество, которое распалось на несколько уделов, не располагало силами, чтобы принудить ливов и леттов к регулярной выплате дани. Поэтому князь Владимир не только охотно принял предложение Мейнарда, но и преподнес ему дары, подчеркивая свое полное одобрение его миссии¹⁵.

Когда полоцкий князь увидел, что немецкая колония за двадцать лет разбогатела, он решил, что может захватить ее под предлогом защиты притесняемых немцами ливов и леттов, надеясь, что только что основанная и еще не укрепленная Рига станет легкой добычей объединенных сил русских князей и прибалтийских племен. Реализации этого плана благоприятствовало то, что ежегодно правитель Ливонии епископ Альберт отправлялся с отслужившими свой срок пилигримами в Германию чтобы привлечь новых. Во время его отсутствия в случае нападения врага ливонцы могли рассчитывать только на свои немногочисленные силы.

С.М. Соловьёв объяснял агрессию со стороны Полоцка тем, что князь полоцкие «привыкли ходить войной на чужд и брать с нее дань силой, если она не хотела платить ее добровольно. Точно так же хотели теперь действовать против немцев»¹⁶.

Первая неудачная попытка нападения на немецкую колонию не остановила Владимира. Когда в очередной раз епископ Альберт убыл с пилигримами в Германию, полоцкий князь по просьбе ливов, которые прислали к нему гонцов, собрав большое войско, выступил в поход на Ригу (1206 г.). «Слушаясь их зова и советов, король [полоцкий князь Владимир] собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей, своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине на корабле»¹⁷. Союзники осадили первый ливонский форпост на их пути — замок Гольм. Немецкие воины, которых в укреплении было всего двадцать, «боясь предатель-

ства со стороны ливов, которых много было с ними в замке, днем и ночью оставались на валах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри и от врагов извне»¹⁸.

Генрих констатирует, что в данной ситуации «если бы продлились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы защититься». Но, к счастью для рижан, Владимир проявил нерешительность, и это спасло их от неминуемого разгрома. Разведчики донесли Владимиру, что «все поля и дороги вокруг Риги полны мелкими железными трехзубыми гвоздями; они показали королю несколько этих гвоздей и говорили, что такими шипами тяжко исколоты повсюду и ноги их коней и собственные их бока и спины. Испугавшись этого, король не пошел на Ригу»¹⁹. А тут еще в море появились корабли. Опасаясь, что это идет подмога немцам, полоцкий князь снял осаду с Гольма, который безуспешно осаждал одиннадцать дней, и возвратился в свои владения.

Отступление Владимира вынудило Вячко второй раз искать мира с победителями. В 1207 г., когда из Германии вернулся епископ Альберт, Вячко отправился к нему. Несмотря на то, что он был виновен в нарушении мирного договора, заключенного по его же инициативе в 1205 г., кукенойский князь был принят в Риге на правах почетного гостя²⁰.

В ходе своего визита князь Вячко предложил епископу Альберту половину своих владений в обмен на помощь против нападений литовцев. Предложение было принято, и Вячко после многих дней пребывания в доме епископа вернулся домой с дарами и обещаниями помощи людьми и оружием²¹. Видимо уступка половины владений была компенсацией, которую Вячко должен был заплатить за участие в нападениях на Ливонию.

Однако, несмотря на приписываемое Генрихом стремление епископа Альберта подружиться с Вячко, из этого ничего не получилось. Кукенойский князь вынашивал планы реванша, а немцы воспринимали его как непримиримого врага, который вынужден был покориться силе и затаился, ожидая удобного момента для очередного нападения. Свидетельством этого стал также конфликт князя Вячко с ливонским рыцарем Даниилом, владения которого находились по соседству и людям которого, согласно ЛХГ, он «причинял много неприятностей и, несмотря на неоднократные увещевания, не переставал их беспокоить»²².

Однажды ночью люди Даниила внезапно захватили Кукенойс (1208 г.). Вячко попал в плен²³. Даниил, «желая выслушать совет епископа об этом деле», послал в Ригу сообщение о случившемся. Епископ Альберт не воспользовался удачным моментом и решил привлечь врага на свою сторону благородством и добротой. Как пишет Генрих, он «был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возратить ему все имущество, затем, пригласив короля к себе, с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной одежды»²⁴.

В Риге Вячко вновь принимали «самым ласковым образом», угощали князя и его людей и решив, что конфликт между ним и Даниилом закончился, «с радостью отпустил его домой». Рижский епископ «помня также о том, что обещал королю, когда принимал от него

половину замка», послал в Кукенойс за свой счет двадцать рыцарей и арбалетчиков, а также каменщиков, «чтобы укрепить замок и защищать его от литовцев. С ним возвратился в Кукенойс и король [Вячко], веселый по внешности, но с коварным замыслом в душе²⁵. Будучи уверенным в том, что Альбер с пилигримами отбыли в Германию, и в Риге осталось мало людей, Вячко «не мог далее скрывать в душе свои вероломные козни»²⁶.

Дождавшись удобного момента, когда немцы рубили камень во рву для постройки замка, сложив свое оружие наверху и, не ожидая нападения, «не опасаясь короля, как своего отца и господина», Вячко со своими людьми напал на безоружных немцев²⁷. Из двадцати человек уцелело только трое.

Возможно, в Кукенойсе были те, кто сочувствовал жертвам нападения и помог им бежать. Чудом избежавшие смерти сумели добраться до Риги и сообщить о случившемся. Впрочем, Вячко и не старался скрыть следы своего преступления. Рассчитывая внушить немцам ужас, он приказал трупы убитых бросить в Двину, чтобы течением их принесло в Ригу.

Захваченное оружие, коней и доспехи Вячко послал полоцкому князю, «а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причём лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом»²⁸.

На что надеялся Вячко, обращаясь в Полоцк, если предыдущие события показали, что Владимир — нерешительный и ненадежный союзник? Необдуманный поступок Вячко скорее напугал полоцкого князя, чем побудил его немедленно выступить против Риги. Впрочем, ЛРХ сообщает о том, что, получив известия о событиях в Кукенойсе, «Владимир с излишней доверчивостью созывает всех своих друзей и людей своего королевства»²⁹. Но никаких активных действий полоцкий князь так и не предпринял.

Скорее всего, поступок Вячко был спонтанным, и он заранее не согласовал с Полоцком планы нападения на ливонцев. Кроме того, его уверенность в том, что Альберт покинул Ригу, оказалась напрасной. Епископ случайно задержался и, узнав о событиях в Кукенойсе, призвал приготовившихся к отплытию на родину пилигримов вернуться, «обещая за большие труды их долгого пилигримства большее отпущение грехов и вечную жизнь». «В ответ на это триста человек из лучших снова приняли крест и решились вернуться в Ригу — стать стеной за дом господень»³⁰. Сверх этого Альберт нанял за плату еще какое-то количество воинов. Со всей Ливонии в Ригу собирались вооруженные люди для похода на Кукенойс.

Узнав об этом и так и не дождавшись подмоги из Полоцка, Вячко со своими сторонниками, «боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и, не смея дожидаться прихода рижан в замок, собрали свое имущество, поделили между собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Кукенойс и побежали каждый своей дорогой». Местные жители попрятались по окрестным лесам, а Вячко, «зная за собой злое дело, ушел в Россию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство»³¹.

Покинув Кукенойс, он бежал или к литовцам, или в новгородские земли. Гипотеза о том, что Вячко нашел убежище в Полоцке,

ничем не подтверждается³². Если бы это было так, то Рига непременно потребовала бы у полоцкого князя выдачи Вячко и, скорее всего, это требование было бы им удовлетворено. Полоцк уже не рисковал портить отношения с Ригой. В 1212 г. Владимир признал свое поражение, заключив с епископом Альбертом мир, по которому отказывался от дани с Ливонии. Видимо он даже был вынужден признать себя вассалом рижского епископа, так как ЛРХ сообщает, что он называл Альберта своим «духовным отцом», а тот принял его как «сына», что означает признание не только вассальной зависимости, но и подчинение католической церкви³³.

До 1223 г. о Вячко сведений нет. Возможно, следующие годы он провел в качестве князя-изгоя, участвуя со своей дружиной в походах псковичей и новгородцев «на чужь», которые они устраивали практически каждый год. С 1210 по 1222 г. новгородская летопись сообщает о пяти крупных походах в Эстонию (в 1210, 1212, 1217, 1218, 1222 гг.).

В свою очередь Орден меченосцев в 1210 г. начал покорение Эстонии. Формальной причиной начала войны против племен эстов стали претензии братьев-рыцарей к эстам Угаунии (историческая область на юго-востоке современной Эстонии с городами Тарту и Отепя и название одного из союзов племен эстов). Началась ожесточенная война, которая велась с неслыханной жестокостью³⁴.

Походы новгородцев и псковичей на земли эстов, которые активно возобновились при Мстиславе Удалом, заставляли их объединиться против общего врага с ливонцами. В 1217 г. в ответ на нападение новгородцев на Одемптэ совместное войско эстов и ливонцев разорило окрестности Новгорода³⁵.

Так как Орден Меченосцев, который был основан епископом Альбертом для защиты ливонской церкви и был ее вассалом, начал завоевание Эстонии в собственных интересах, Рига решила привлечь к этой войне Данию. Рижский епископ надеялся, что, одержав победу, датский король передаст завоеванные земли ливонской церкви, удовлетворившись славой и отпущением грехов³⁶.

В 1218 г. епископ Альберт лично прибыл к королю датскому Вальдемару II и «убедительно просил его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и заставить их прекратить нападения совместно с русскими на ливонскую Церковь»³⁷. Вальдемар II охотно согласился помочь Риге в богоугодном деле крещения язычников. В 1219 г. датское войско под предводительством короля высадилось в «Ревельской области».

Одержав победу над эстами в последующей битве, датчане основали на месте городища эстов крепость Ревель. Но вместо того, чтобы передать завоеванное ливонской церкви, король Дании объявил, что теперь Эстония и Ливония должны подчиниться его власти³⁸. В результате сложилась ситуация, когда все воевали против всех: эсты — против иноземных захватчиков, Орден Меченосцев, датчане и русские — против эстов и друг против друга. При этом эсты объединялись с русскими — против немцев и датчан, с немцами и датчанами — против русских.

К 1221 г. крещение эстов было закончено. В связи с этим Генрих удовлетворенно констатировал: «И радовалась церковь тишине мира, и славил весь народ господа, который, после множества войн, обра-

тил сердца язычников от идолопоклонства к почитанию бога...»³⁹ Вся Эстония перешла под власть ливонской церкви, Ордена Меченосцев и Дании.

Такое положение, видимо, не устраивало Новгород, рассматривавший земли эстов как сферу своих интересов. В одностороннем порядке расторгнув ранее заключенный с Ригой мирный договор, новгородцы с двадцатитысячным войском, собранным «из Новгорода и из других городов Руси против христиан», вторглись в пределы Ливонии⁴⁰. «И разграбили они всю страну, сожгли все деревни, церкви и хлеб, лежавший, уже собранным на полях; людей взяли и перебили, причинив великий вред стране»⁴¹.

В ответ ливонцы с эстами напали на новгородские земли, «... сожгли дома и деревни, много народу увели в плен, а иных убили»⁴². Затем эсты приграничной с Псковом земли Саккалы совершили поход против новгородских данников — вожан и ижоров. Эсты вернулись с большой добычей, «наполнив Эстонию и Ливонию русскими пленными, и за все зло, причиненное ливам русскими, отплатили в тот год вдвойне и втройне»⁴³.

Но в январе 1223 г. в Саккале эсты с необычайной жестокостью перебили всех немцев. Генрих, например, сообщал, что у одного священника вырвали сердце и «зажарили на огне и, поделив между собой, съели, чтобы стать сильными в борьбе против христиан»⁴⁴. Восстание распространилось на другие земли. «По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей»⁴⁵. Эсты призвали на помощь новгородцев и псковичей, расплатившись с союзниками захваченным у немцев и датчан имуществом. Русские гарнизоны разместились в захваченных восставшими замках.

Однако датчанам удалось отразить нападение на Ревель, а ливонцы, собрав восьмитысячное войско, к осени отбили ряд важных замков⁴⁶. Тогда зачинщики этого восстания — старейшины эстов Саккалы — послали на Русь богатые дары, чтобы призвать на помощь «королей русских».

Двадцатичетырехтысячное войско во главе с Ярославом Всеволодовичем вторглось в Ливонию. Подойдя к Дорпту (Юрьев), Ярослав оставил там гарнизон и двинулся в Одэмпэ, где поступил так же. Но вместо того, чтобы отправиться дальше на Ригу, он, по совету эстов с о. Эзель, убедивших его, что сначала лучше разбить более слабых датчан, повернул к Ревелю⁴⁷.

«И послушался их король, и вернулся с войском другой дорогой в Саккалу, и увидел, что вся область уже покорена тевтонами, два замка взяты, а его русские повешены в Вилиендэ. Он сильно разгневался и, срывая гнев свой на жителях Саккалы, поразил область тяжким ударом, решил истребить всех, кто уцелел от руки тевтонов и от бывшего в стране большого мора; некоторые однако спаслись бегством в леса»⁴⁸.

Затем Ярослав со своими союзниками эстами осадил один из датских замков. Через четыре недели, понеся большие потери, но не добившись ни малейшего успеха, Ярослав, «разорив и разграбив всю область кругом», был вынужден отступить: «король суздальский в смущении возвратился со всем своим войском в Руссию»⁴⁹.

После отступления Ярослава воины Ордена Меченосцев пытались отбить Дерпт, но «не могли по малочисленности взять столь сильный замок»⁵⁰.

В свою очередь из Новгорода, с целью ведения войны против ливонцев, был послан в Дерпт князь Вячко и с ним двести воинов. Бывшему кукенойскому князю был обещан во владение город и все земли, которые он сумеет подчинить. «И явился этот король с людьми своими в Дорпат, и приняли его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей»⁵¹.

По словам Костомарова, «Князь Вячко, принявши от Великого Новгорода в управление край, утвердился в Юрьеве, начал показывать притязания на всю Ливонию и посылал отряды требовать дани от соседних краев. В случае отказа он угрожал войной»⁵².

К началу 1224 г. Дерпт, в котором правил Вячко, оставался единственной непокоренной ливонцами и датчанами областью Эстонии, постоянно угрожая стать центром нового восстания⁵³. Поэтому завоевание Дерпта стало главной целью Риги и Ордена Меченосцев. Орден хотел захватить Дерпт без помощи Риги, чтобы сделать его своим владением, и весной 1224 г. предпринял еще одну подобную попытку. Но и она была отбита⁵⁴.

В свою очередь, епископ Альберт направил в Дерпт послов к Вячко, «прося отступить от тех мятежников, что были в замке». Но князь, надеясь на помощь со стороны Руси, отказался покинуть Дерпт⁵⁵. Тогда Альберт собрал «всех принадлежащих к ливонской церкви» в поход на Дерпт. 15 августа 1224 г. ливонские войска подошли к стенам города. Началась его осада.

Для штурма крепости была возведена осадная башня, одновременно начались масштабные земляные работы, чтобы продвинуть ее вплотную к стенам⁵⁶. К Вячко еще раз отправили послов, предлагая «свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел из замка и оставил этот народ отступников. Но король, в ожидании помощи от новгородцев, упорно отказывался покинуть замок»⁵⁷.

Упорство Вячко, видимо, объяснялось еще и тем, что он не верил в обещание немцев отпустить его и не покарать за коварное убийство людей епископа Альберта в Кукенойсе.

Кроме того, Дерпт был хорошо оснащенной неприступной крепостью. Вот что пишет о нем Генрих: «... замок этот был крепче всех замков Эстонии: братья-рыцари еще ранее с большими усилиями и затратами укрепили его, наполнив оружием и балистами, которые были все захвачены вероломными. Сверх того, у короля было там множество его русских лучников, строились там еще и различные военные орудия»⁵⁸. Генрих обстоятельно и подробно описывает осаду Дерпта и его штурм. Его информированность, точность в деталях свидетельствуют о том, что автор хроники лично участвовал в этих событиях.

Опасаясь того, что на помощь осажденным придет подмога из Новгорода, ливонцы вели штурм и днем, и ночью. Осажденные отчаянно сопротивлялись. «Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками: ливы и лэтты кричали, ударяя мечами»⁵⁹.

ми о щиты; тевтоны били в литавры, играли, на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна ⁵⁹.

Ливонцы договорились не шадить защитников крепости, мотивируя это тем, что пример обороны Дерпта должен стать уроком для тех, кто задумает восстать против церкви ⁶⁰. О самом Вячко решили: «вознесем надо всеми, повесив на самом высоком дереве» ⁶¹.

Крепость пала внезапно. Как-то под вечер эсты решили сделать вылазку, чтобы поджечь построенную ливонцами осадную башню. Для этого, проделав в стене проем, они стали пускать в нее горящие колеса. В ответ ливонцы бросились в стремительную атаку на крепостной вал. Через проделанную защитниками брешь в стене им удалось ворваться в город. «Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись лэтты и некоторые из ливов. И тотчас стали избивать народ, и мужчин, и даже некоторых женщин, не щадя никого, так что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек. Другие же из войска, окружив замок со всех сторон, не давали никому бежать. Всякий, кто, выйдя из замка, пытался пробраться наружу, попадал в их руки. Таким образом, из всех бывших в замке мужчин остался в живых только один — вассал великого короля суздальского, посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам» ⁶².

Надежды Вячко на то, что к нему на помощь придет новгородско-псковская дружина, и он сможет отразить нападение, так и не оправдались. Согласно Генриху, это объясняется тем, что к тому времени, как русское войско готово было выступить, Дерпт уже пал: «Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город» ⁶³.

По версии Татищева, город был взят немцами не штурмом, а коварством, а сам князь и бояре попали в плен и, несмотря на их «слезные» мольбы, «чтоб яко пленных не губили», были казнены. При этом Татищев упрекает ливонцев, что они поступили не как рабы божии, а как слуги дьявола. Хотя, в данном случае, казнь плененного Вячко и его сторонников скорее следует рассматривать как запоздалую, но адекватную месть за его преступления ⁶⁴.

Сообщение Татищева отличается от рассказа ЛХГ, согласно которому защитники Юрьева мужественно сопротивлялись, а Вячко вместе со своей дружиной героически пал в бою, а не попал в плен, как это утверждает родоначальник отечественной историографии. Впрочем, в данном случае позднейшая историография следует версии ЛХГ, согласно которой гибель Вячко выглядит героической ⁶⁵.

Разорив город, ливонцы, видимо опасаясь нападения со стороны Новгорода, ушли. Однако поскольку новгородцы не делали попыток вернуть город, и между сторонами был заключен мир, то в скором времени они вернулись и отстроили город заново ⁶⁶.

Но на этом история князя Вячко не закончилась. В целях обоснования своих притязаний на ливонские земли потомки немецких рыцарей вели свою генеалогию от русских князей или ливских вождей, древних властителей этих земель ⁶⁷.

Согласно Таубе, Софья, единственная дочь Вячко, была обручена с немецким рыцарем Дитрихом фон Кокенгаузенем. От нее якобы пошел ливонский графский и баронский род Тизенгаузенов ⁶⁸. Представители этого рода оказали значительное влияние на историю Ливонии, Польши, Швеции и России. Один из его известнейших представителей — Фердинанд Тизенгаузен, адъютант и зять фельд-маршала Кутузова, ставший историческим прототипом Андрея Болконского из романа Льва Толстого «Война и мир».

Уроженец Ревеля, он уехал в Петербург, стал офицером и женился на дочери М.И. Кутузова Елизавете Михайловне. В сражении под Аустерлицем 20 ноября 1805 г. подполковник граф Фердинанд Тизенгаузен остановил расстроенный французским огнем и отступавший батальон, подхватил упавшее знамя и увлек солдат в атаку, был тяжело ранен и скончался ⁶⁹.

Одним из потомков рода Тизенгаузен был близкий друг Лермонтова гусар Пётр Павлович Тизенгаузен.

Следует отметить и еще одного представителя этой фамилии, имеющего непосредственное отношение к отечественной историографии. Это историк-востоковед, нумизмат, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по разряду восточной словесности, автор не потерявшего актуальность труда «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» Владимир Густавович Тизенгаузен (1825—1902 г.) ⁷⁰.

Так, спустя столетия, потомки некогда непримиримых врагов внесли вклад в служение общему делу. И в этом заключается главный урок данной истории.

Примечания

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. М.-Л. 1950, л. 96.
2. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Хроника Ливонии. М.-Л. 1938.
3. «... князь Вячек Борисович, яко мудрый и в воинстве храбрый...» ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. История Российская. Т. III. М. 1994. с. 213.
4. Хроника Ливонии Генриха Латыша (ЛХГ), с. 236.
5. ОЛСОН М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М. 2012, с. 33—42.
6. Там же, с. 36.
7. ВОЙТОВИЧ Л. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Олександр Пшонківський. 2006, с. 293.
8. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 201—204.
9. РАПОВ О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. 1977, с. 193.
10. STRYJKOWSKIJ M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. T. I. Warszawa. 1846, с. 241—242.
11. ЛХГ, с. 489, примечание 48.
12. Там же, с. 92—93.
13. Там же, с. 85.

14. Там же, с. 93.
15. «Так вот получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира (Woldemago de Ploseke), которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе». Там же, с. 71.
16. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. II. М. 1988, с. 612.
17. ЛХГ, с. 102.
18. Там же, с. 103.
19. Там же.
20. Там же, с. 107.
21. «Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев, предлагая за это половину своей земли и своего замка. Это было принято, епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием, и король с радостью вернулся домой». Там же, с. 107—108.
22. Там же, с. 114.
23. «Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе с ним самим и быстро двинулись к замку короля. Придя на рассвете, они нашли спящими людей в замке, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрепление; отступавших в замок русских, как христиан, не решились убивать, но угрозив им мечами, одних обратили в бегство, других взяли в плен и связали. В том числе захватили и связали самого короля, а все имущество, бывшее в замке, снесли в одно место и тщательно охраняли». Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же, с. 115.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же, с. 116.
32. Там же, с. 489, примечание 48.
33. Там же, с. 153.
34. Один из этапов этой войны Генрих описывает так: «Не имели покоя и сами они, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не осталось. Ибо думали они либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно». Там же, с. 172.
35. «Жители Унгавнии, чтобы отомстить русским, поднялись вместе с епископскими людьми и братьями-рыцарями, пошли в Руссию к Новгороду (Nogardiam) и явились туда неожиданно, опередив все известия, к празднику крещения, когда русские обычно больше всего заняты пирами и попойками. Разослав свое войско по всем деревням и дорогам, они перебили много народа, множество женщин увели в плен, угнали массу коней и скота, захватили много добычи и, отомстив огнем и мечом за свои обиды, радостно со всей добычей вернулись в Одемпэ». Там же.
36. Там же, с. 189.
37. Там же.
38. Там же, с. 215.
39. Там же, с. 214.
40. Там же, с. 218.
41. Там же, с. 219.
42. Там же, с. 221.
43. Там же, с. 222.
44. Там же, с. 225.
45. Там же, с. 226.
46. Там же, с. 227—231.
47. Там же, с. 232.
48. Там же.

49. Там же. Новгородская первая летопись сообщает об этом походе так: «Пришел князь Ярослав от брата, и идя со всею областью к Колыване [Ревелю], и повоевав всю землю Чюдскую, а полона приваде без числа, но город не взяли, злата много взяли, и вернулись все здоровы». НПЛ, л. 95об.
50. ЛХГ, с. 232.
51. Там же, с. 232.
52. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М. 1994, с. 220.
53. «... король Вячко (Viesceka) со своими дорпатцами: он был ловушкой и великим искусителем для жителей Саккалы и других соседних эстов». ЛХГ, с. 235.
54. Там же, с. 234—235.
55. И не захотел король [князь Вячко] отступить от них [мятежных эстов], так как, давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские короли обещали избавить его от нападений тевтонов. И собрались в тот замок к королю все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской. Главой и господином их был тот же король, так как и сам он давно был корнем всякого зла в Ливонии: нарушив мир истинного миротворца и всех христиан, он коварно перебил преданных ему людей, посланных рижанами ему на помощь против литовских нападений, и разграбил все их имущество». Там же, с. 236.
56. Там же, с. 237.
57. Там же, с. 238.
58. Там же, с. 236.
59. Там же, с. 238.
60. «Надо взять этот замок приступом, с бою и отомстить злодеям на страх другим. Ведь во всех замках, донныне взятых ливонским войском, осажденные всегда получали жизнь и свободу: оттого другие и вовсе перестали бояться». Там же.
61. Там же, с. 239.
62. Там же, с. 239—240.
63. Там же, с. 240.
64. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 213—214.
65. Например: «Русские воины во главе с Вячко, засев в центральном внутри-крепостном укреплении сражались дольше всех пока не погибли смертью храбрых». История Эстонской ССР. Таллин. 1952, с. 50.
66. У Татищева есть сообщения о неудачной попытке вернуть Юрьев в 1224 г.: «И новгородцы, собрався с войски, пошли и Ливонию на немец, хотясче Юриев возвратить. И пришед в землю их, не взяв ведомости о войске, разпустили в загоны. А немцы, совокупясь с ливонцы, пришед на новгородцов, многих побили и мало их возвратилось». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 214.
67. ЛХГ, с. 483, примечание 37.
68. «Многовековая традиция Тизенгаузенов (впрочем, письменно закрепленная только в XVI в.) считает Вячко родоначальником этой семьи». Там же, с. 490, примечание 48.
69. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб. 1844, с.183—184.
70. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884. Т. II. М.-Л. 1941.